

С. Н. ВАЛК

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

Борис Александрович Романов родился 29 января (10 февраля) 1889 г. Отец его, Александр Дементьевич, происходивший из государственных крестьян, был профессором Института инженеров путей сообщения, а мать — Мария Васильевна Шатова-Романова — врачом. Среднее образование Б. А. получил в петербургской гимназии Человеколюбивого общества. Последний год пребывания Б. А. в гимназии пришлось на бурный 1905/06 учебный год. Гимназия Человеколюбивого общества не осталась в стороне от движения, охватившего средние учебные заведения города в ноябре — декабре 1905 г. Здесь, как и в других средних учебных заведениях Петербурга, был образован для руководства движением свой совет старост. Б. А. входил в состав этого совета. О деятельности же совета можно судить по тому, что на проходивших гимназических сходках принимались резолюции о забастовке и об отношении к учителям; резолюции были такого, например, рода: «с глубоким приветствием товарищам педагогам за их смелое и решительное вступление в борьбу с отживающим режимом» (после введения автономии педагогическим советом гимназии) или постановление стать «во враждебное отношение» к тем же своим педагогам (вскоре после отмены советом объявленной автономии — это было 5 декабря).

После окончания гимназии Б. А. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Время пребывания Б. А. в университете было самым блестящим периодом во всей почти вековой дореволюционной истории Петербургского университета. Революционная буря 1905 г. во многом изменила внутренний строй университетской жизни и университетского преподавания. Состав университетских преподавателей обновился прежде всего благодаря вступлению в качестве приват-доцентов ряда ученых, не говоря уже о возвращении некоторых ранее уволенных профессоров. Не менее рентажное значение имело и из-

менение самой системы прохождения университетского курса вследствие введения взамен ранее господствовавшей курсовой системы новой, предметной. При этой системе посещение лекций было необязательно. Обязательными были лишь сдача экзаменов по установленным факультетом предметам, зачет просеминария и трех семинариев. Студент же был волен сам устанавливать порядок и время сдачи требуемых предметов, да и срок своего пребывания в университете. Выполнив эти требования, студент получал выпускное свидетельство, которое давало ему право сдавать государственные экзамены. Единственным руководством для тогдашнего студента бывало только ежегодно издаваемое «Обозрение преподавания» на факультете, содержавшее простой перечень читаемых курсов и ведущихся в данном году практических занятий. Вот как Б. А. описал свое положение первокурсника, столкнувшегося с этими порядками: «Мы шли в университет каждый из своего уголка, каждый со своей биографией, со своей „программой“, со своими чаяниями, но все мы с одинаковым напряжением рвались туда, потому что там, казалось нам, настоящая жизнь, жизнь во всех ее видах и на все вкусы, жизнь, которой только и можно жить и которой мы до той поры жить не могли... Но едва ли мы ждали, что попадем в хаос. Нам пришлось не только присутствовать при „творении“, но столько чувствовать себя его жертвами, сколько самим творить свою жизнь, утверждать свое существование в мельчайших его подробностях. Можно сказать, что наша жизненная мускулатура свободно и здорово развивалась именно в этом процессе свободного выбора и неподсказанных решений. Тем легче каждому из нас было брать, что нам казалось, что нам не только ничего не навязывают, но и не предлагают».

Основным звеном тогдашнего университетского образования были семинарские занятия. Б. А. участвовал в семинарских занятиях по русской истории А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, С. В. Рождественского, А. С. Лаппо-Данилевского, а по всеобщей истории у Э. Д. Гримма (Рим) и И. М. Гревса (средневековье).

Из всех этих семинариев основным для Б. А. оказался семинарий А. Е. Преснякова, хотя самое продолжительное время, три года (V—X семестры), Б. А. провел в семинарии С. Ф. Платонова. А. Е. Пресняков открыл в качестве приват-доцента свой первый университетский курс осенью 1907 г. В сохранившейся записной книжке А. Е. Преснякова на первой странице с датой сентября среди автографов записавшихся в семинарий находим и автограф Б. А. Темой семинария были летописи. Для доклада по каждой намеченной теме А. Е. Пресняков отвел отдельную страницу. К сожалению, именно те несколько страниц, среди которых был и листок, относящийся к теме Б. А., оказались кем-то вырванными.

Курс, который прочел в 1907/08 г. А. Е. Пресняков, хорошо известен; по признанию А. Е., его «Княжое право в Древней Руси» сложилось в связи с чтением именно этого первого университетского курса, слушателем которого был и Б. А. Точное название темы семинарского доклада Б. А., как было только что указано, утеряно. Но доклад, читанный Б. А. вероятнее всего в первых месяцах 1908 г., послужил для статьи, которая уже в том же году была напечатана в редактируемых А. А. Шахматовым авторитетнейших академических «Известиях Отделения русского языка и словесности» под заглавием «Смердий конь и смерд». Помещение без каких-либо проволочек статьи Б. А. в этом академическом издании говорило само за себя.

Б. А. начинал свою статью скромным замечанием, что «в этой маленькой заметке предлагается попытка истолкования текста Лаврентьевской летописи (1103 г.)». Текст этот излагал разногласия, возникшие на Долобском междукняжеском съезде вокруг вопроса об участии смердов в предпринимаемом походе на половцев. Б. А. обратил внимание на значение, которое было отведено в княжеских спорах на съезде смердъему коню. Вывод Б. А. гласил, что смерд — несомненно нужный князю человек, и потому особенно он нужен, что князь не мог выйти в большой поход без смердых лошадей. Распространив свои наблюдения и на Русскую Правду, Б. А. обнаружил, что и здесь, «вдумываясь в психику тогдашних людей, можно будет понять, что смердий конь понал в княжеский устав недаром — за ним были заслуги, князьям было за что его ценить». Смердий конь и смерд оказались у Б. А. связанными с общими явлениями общественно-политического строя древней Руси, объединенными А. Е. Пресняковым в понятие «Княжого права». Нет никакой особой трудности установить здесь воздействие читавшегося А. Е. Пресняковым курса на основные представления Б. А. об общественном строе Киевской Руси. Однако взаимно «смердий конь» оказал некоторую услугу и «Княжому праву». В своих суждениях о смердах А. Е. Пресняков отметил, что летописный текст о Долобском съезде историки «не раз цитировали», но не замечали именно того, что теперь подметил Б. А.; точно так же А. Е. Пресняков считал, что сопоставление Б. А. этого летописного наблюдения с наблюдениями над Русской Правдой явилось «хорошо обоснованным». А. Е. Пресняков отметил и впервые со времен даже Татищева осмысленное истолкование, данное Б. А. статье об убийстве огнищанина у клетки.

В работах Б. А. можно иной раз встретить автобиографические признания, то брошенные мимоходом, а то и составляющие существенное звено в его изложении, которые позволяют понять одушевлявшие Б. А. побуждения к данной работе. Особенно необходимым оказалось, по-видимому, такое разъяснение при первом столкновении с еще не известным ему читателем. Здесь най-

дем уже многое, что и в дальнейшем явится основными чертами всего научного творчества Б. А. Начиная статью, Б. А. писал как бы в свое оправдание, что, насколько ему известно, содержание этой статьи «не будет повторением уже имеющихся в научном обращении мыслей». Так и в вышедших сорок лет спустя «Людах и правах древней Руси» при преодолении возникших перед ним трудностей Б. А. руководило то же, что и когда-то в начале научно-исследовательского пути, «чувство нового», как поясняет Б. А., «в плане профессионально-историческом и даже в плане техники нашего исторического ремесла». Печать этой черты научного творчества зримо или незримо будет неизменно присуща всем трудам Б. А.

В этой же первой статье Б. А. делает и другое, столь же существенное для понимания его творчества самопризнание. Статья Б. А. была обязана своим появлением «ощущению», что мнение о «двух смыслах» (широком и узком) термина «смерд» неприемлемо. Это «ощущение» Б. А. стремился затем обосновать толкованием летописного текста, повествующего о смерде и его коне, «в связи с другими соображениями». Сколь характерно здесь изложение Б. А. происхождения начального побуждения к последующему поиску обоснования появившегося «ощущения» неудовлетворительности имеющихся решений, столь же характерен и конечный удовлетворительный, казалось бы, итог произведенного исследования. Однако внутренне, конечно, уверенный в нелегко давшемся итоге, Б. А. излагает этот итог с чрезвычайной осторожностью, считая, что ему удалось лишь «несколько обосновать» свое «ощущение» и что хотя нашлось для этого «немного данных», однако «не нашлось ни одного указания», которое противоречило бы развиваемому Б. А. мнению о положении смерда. Обращаясь еще раз к написанным сорок лет спустя «Людам и правам древней Руси» и сложным в ней приемам работы Б. А., найдем в словах благодарности Б. А. А. Е. Преснякову характеристику последнего как «на редкость осторожного, вдумчивого и чуткого критика древнерусских текстов» и признание, что приемами работы Б. А. «всецело обязан» своему учителю.

Помимо научно-литературных связей Б. А. и А. Е. Преснякова, к первым шагам их взаимоотношений надо отнести сразу же установившиеся черты глубокой привязанности Б. А. к А. Е. Преснякову и очевидное же глубокое дружеское влечение последнего к Б. А. Все в том же 1908 г. А. Е. Пресняков начал печатать свою упоминавшуюся уже магистерскую диссертацию. Это было, конечно, большим событием в жизни А. Е. Преснякова. Не мог оказаться спокойным к нему и Б. А. Вот что к примеру писал А. Е. Пресняков 14 сентября 1908 г.: «Приходил Романов. Принес корректуру своей статьи. Ему очень хочется быть причастным к печатанию моих „Очерков“, предлагал помочь мне в корректуре и остался очень доволен, когда я предложил ему составить

указатель». Б. А. и составил три указателя к «Княжому праву в Древней Руси» (имен, авторов и предметный). В предисловии А. Е. Пресняков отметил «незаменимую дружескую услугу», оказанную книге и автору, и сказал Б. А. свое «сердечное спасибо».

Из университетских занятий Б. А. особо выделил семинарий А. С. Лапко-Данилевского, в котором он участвовал в течение одного года. А. С. Лапко-Данилевскому Б. А. посвятил две речи. Одна из них была юбилейной, связанной с 25-летием преподавательской деятельности А. С. Лапко-Данилевского в университете (1915 г.), вторая — номинальной, после смерти А. С. Лапко-Данилевского (1919 г.). О первой из этих речей, произнесенной, как и вторая, в собрании университетского «Исторического кружка», сохранился рассказ С. Н. Чернова, одного из ближайших друзей Б. А. По словам С. Н., «недолги были размышления», когда следовало определить, кому поручить слово юбилейного приветствия А. С. Лапко-Данилевскому, и решили это поручить Б. А., «как тонкому и чуткому молодому оратору-историку». Об отношении Б. А. к этому предложению С. Н. пишет, что «недолги были и его колебания», да и Б. А. в речи отметил то, «как трудно мне всегда принудить себя говорить на людях, и как легко было получить от меня согласие приветствовать Вас сегодня». О впечатлении, произведенном этой речью Б. А., можно судить по словам С. Н. Чернова: «Как хорошо было сидеть рядом с Б. А. в эти минуты и слушать его прекрасную речь, всей душой чувствовать чрезвычайную удачу ее построения, воплощение в ее тоне и словах наших общих мыслей и настроений. Дерзкая в своей прямоте, она создавала неожиданное настроение в массе слушателей». О том, что испытал А. С. Лапко-Данилевский, ее прослушав, С. Н. мог только и передать: «Сам А. С. был смущен и потрясен ею».

Действительно, речь Б. А. была необычайной. Она была в той же мере автобиографичной, сколь и юбилейной, автобиографичной и для самого Б. А., и для его «поколения». Сказав вначале, что поколение это навсегда сохранит воспоминание об университете того времени как «самое яркое, живое, цельное моральное переживание», и упомянув о сложившемся уже в университете «предании», Б. А. определил и задачу своего обращения: «Мне бы хотелось рассказать Вам, Александр Сергеевич, какую роль Вы играли в сложении этого академического предания», сказать «и то, чего никто никогда Вам не говорил до сих пор».

Б. А. драматически передал переживания студента, который знакомился с лекциями А. С. Студент в самоизображении Б. А. испытывал на этих же лекциях «какую-то строгость»; и эта строгость им «ясно сознавалась как неумолимая», в основе которой Б. А. вскрывал ее «моральный источник». И далее Б. А. заговорил о «страхе» («если хотите, мы боялись Вас»), но пояснил,

что это был «страх логический, страх этический», «оба они в персплетасмом сочетании». Все эти обращенные к А. С. слова характеризовали, конечно, как того, к кому они были обращены, так и не в меньшей степени того, кто сумел так прокиповенно воспроизвести свои все еще не увядшие душевные переживания. Б. А. не обошел и своих переживаний, когда он решил стать участником семинария, которым в 1909/10 г. руководил А. С. Лаппо-Данилевский: «Когда в 1909 г. мы решились принять участие в Ваших практических занятиях по истории крестьян, мы хорошо знали, на что идем».¹

Занятиям Б. А. в этом семинарии придавал значение и А. Е. Пресняков, видя в них своего рода проверку для сомневающийся в отмеченных уже в печати научных успехах Б. А. Так, он писал в связи с ностушением Б. А. в этот семинарий: «Интересно, какую репутацию заработает Романов у Лаппо-Данилевского, у которого он ныне работает в семинарии».

Семинарий А. С. Лаппо-Данилевского, в котором в 1909/10 г. принял участие Б. А., был обозначен в годовом факультетском «Обзрении преподавания» «Анализ и интерпретация актов, касающихся истории прикрепления крестьян в Московском государстве». Темата докладов были в основном отдельные разновидности актового материала. Б. А. выбрал для себя изучение служилых кабал.

Б. А. по-своему понял задачу доклада, озаглавив его «История кабального холодства». Из двух частей доклада предметом первой был «Формуляр служилой кабалы, его видоизменения и образование формуляра 1680 г.»; вторая часть доклада была озаглавлена «Главные моменты в развитии кабальной зависимости». Б. А. начал ее словами: «...предшествующие замечания мои носят характер служебный», т. е. служебный для собственно исторического исследования. Таким образом, для Б. А. дипломатика являлась в точном смысле этого слова вспомогательной к историческому исследованию дисциплиной. Ко времени, когда начал писать свою дипломатическую работу Б. А., в печати еще не было ни одной статьи, которая послужила бы наглядным для него образцом дипломатического изучения актового материала. Лишь во время подготовки доклада Б. А. появилась обширная статья А. С. Лаппо-Данилевского о служилых же кабалах,² которую Б. А. смог уже принять во внимание.

¹ В текст посвященной А. С. Лаппо-Данилевскому речи Б. А., напечатанной в «Русском историческом журнале» (кн. 6, стр. 181), вкралась досадная опечатка: во фразе «...вступали с Вами в научное обращение не только в кружке, но и не в Вашем домашнем семинарии» было опущено второе «не», что и придало обратный смысл действительному участию Б. А. в домашних занятиях А. С. Лаппо-Данилевского.

² А. С. Лаппо-Данилевский. Служилые кабалы позднейшего типа. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 719—764.

Доклад Б. А. явился итогом весьма значительной предварительной работы. Им было изучено около 700 изданных к тому времени служилых кабал. Составленные к докладу графико-статистические таблицы давали наглядный материал для характеристики движения общего клаузуального состава служилых кабал, а также и каждой отдельной клаузулы.

Тщательнейшее изучение колебаний не только в составе клаузул акта, но и каждого из элементов клаузулы дали возможность Б. А., несмотря на тяготившее над ним наличие основанной на обильнейшем материале работы А. С. Лаппо-Данилевского, прийти к самостоятельным выводам. Они сводились к тому, что «при всем разнообразии форм служилых кабал до 1680 г. видим, как в разных местах и в разное время с уклоном к концу века в письменный договор кабалной службы проникают две идеи: фиктивность сделки займа и служба кабалного по живот его господина».

Таково было заключение исследования Б. А. о служилой кабале. Вначале же Б. А., естественно, считал уместным изложить, как и когда появился в русском деловом языке сам термин «кабала». Для этого Б. А. использовал целостное летописное повествование 1378 г. о событиях в русской церкви, последовавших после смерти митрополита Алексия. Изложенные в летописи события Б. А. характеризовал как «замятню», к чему в переводе Б. А. считал ближе всего подойдет слово «скандал». Излагая события путешествия в Константинополь на поставление митрополита Михаила Митяя, Б. А. предпослал своему изложению такую последовательную «хронологическую канву» этих событий: «убийство, подлог и подкуп». После изложения этих необычайных происшествий Б. А. перешел к судьбам уже собственно служилой кабалы. Художественное чутье подсказало Б. А. здесь прием, подготовивший слушателя к нелегкому восприятию следующего далее текста. Но и самый текст собственно кабалного исследования являлся сочетанием точности мысли и во многом литературной изысканности языка.

В 1909 г. на Историческом отделении Историко-филологического факультета возникли два новых учреждения. Одно из них было обязано своим возникновением студенчеству, пожелавшему иметь место, где можно было вне учебно регламентированных рамок (чем были семинарии) ставить и обсуждать доклады по занимавшим студентов историческим вопросам. Б. А. явился одним из деятельных создателей кружка. Он был его первым секретарем (председателем был избран А. С. Лаппо-Данилевский), затем и казначеем, а когда, окончив университет, Б. А. по уставу кружка уже не мог занимать в нем каких-либо должностей, оказывался неизменно близок к его деятельности.

Другим новым учреждением уже учебного характера был, по тогдашней терминологии, «Исторический семинарий» (позже —

«Исторический кабинет»). Б. А. был связан с Историческим семинарием научными интересами, а позднее и заведованием.

Еще до окончания университета началось постоянное сотрудничество Б. А. в ставшем выходить в 1911 г. «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. Редактором отдела русской истории здесь был (уже в достаточной мере оценивший Б. А.) С. В. Рождественский. В отличие от издававшегося и пользовавшегося большой популярностью среди широких кругов тогдашней, особенно провинциальной, интеллигенции общеобразовательного словаря братьев Гранат «Новый энциклопедический словарь» носил скорее академический характер. В отделе русской истории весь, можно сказать, состав сотрудников состоял из университетских преподавателей или университетской же молодежи. Статьи словаря являлись сжатыми, иногда миниатюрными монографиями, которые в своей основе имели самостоятельное изучение источников и литературы, с явными даже иной раз ссылками на них. Естественно, что почти все написанные здесь Б. А. статьи относились к допетровским временам русской истории, хотя самой первой из них довольно неожиданно оказалась обширная статья об Аракчееве. Из других статей, написанных Б. А. для этого словаря, особенно следует отметить статью «Иоанн IV Грозный», занимающую почти полных 8 столбцов убожистого словарного текста. В этих статьях Б. А. соответственно фактологической установке всего издания сказались, при неизбежной сухости внешнего изложения, вся исследовательская точность вводимых в статью фактов.

В том же 1911 г. начал выходить еще один энциклопедический словарь — «Русская энциклопедия» издательства «Деятель». Это издание ставило перед собой упрощенные задачи: статьи были короче, скупер по содержанию, шрифт крупнее. Редактором отдела русской истории был А. Е. Пресняков. Б. А. оказался в первые годы (1911—1913) издания словаря едва ли не самым деятельным сотрудником А. Е. Преснякова. Б. А. поместил здесь около 60 статей.

В 1911 г. Б. А. получил выпускное свидетельство о прослушании им университетского курса. В 1912 г. он сдал государственные экзамены и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию без стипендии. Последнее весьма тягостно сказалось на материальном положении Б. А. и тем самым на возможности всецело отдаться дальнейшим магистерским исследованиям, неизбежному первому шагу для всякого оставленного при университете. Б. А. приступил было к ним, однако по истечении положенного трехлетнего срока проф. С. В. Рождественский в официальном от имени кафедры русской истории письме на имя ректора университета (им был тогда Э. Д. Гримм, хорошо знавший Б. А. по семинарию) просил о продлении срока оставления при университете Б. А. С. В. Рождественский обосновывал

свое ходатайство именно тем, что Б. А. не смог своевременно сдать экзамены «в силу тяжелых семейных и материальных условий», заставивших Б. А. взять большое число уроков в школах. Указав на появившиеся в печати работы Б. А. и на ведущие им «некоторые специальные исследования» в области изучения Московского лицевого свода, вопросов истории Великого Новгорода и др., С. В. Рождественский писал, что Б. А. является «одним из наиболее трудолюбивых и способных молодых людей, оставленных по кафедре русской истории».

Действительно, средняя школа отняла у Б. А. много лет труда и сил, оказавшись в первые послеуниверситетские годы основным источником его денежных средств. Начав преподавание в гимназиях тотчас после окончания университета, когда он всецело был занят именно школьными уроками, Б. А. продолжал его и после революции, вплоть до 1924 г. Гимназии Михельсон, Таганцевой, Мушниковой (затем 28-я трудовая школа), Смольный институт, 83-я трудовая школа видели Б. А. в качестве преподавателя. В одной из автобиографий Б. А. писал, что лишь учреждение Главархива после Октябрьской революции «позволило ему освободиться от совершенно противопоказанного для него преподавания в средних учебных заведениях и открыло возможность работать в области XIX—XX вв. по архивным материалам, ранее не доступным».

Об отношении к Октябрьской революции Б. А. пришлось писать в общей для всех служащих Центрархива анкете в 1924 г. В ней особая графа требовала ответа на вопрос об отношении к (по тогдашней терминологии) Октябрьскому перевороту. Обязательный ответ Б. А. на этот вопрос был таков: «Активного участия не принимал. Находился во время переворота в Петрограде. В школе, где работал (б. гимназия Мушниковой), решительно выступил против саботажа и забастовки по поводу разгона Учредительного собрания, в способность коего, как и всех буржуазных партий, вывести страну из войны не верил, выход же из войны считал тогда абсолютно необходимым, столь же как и образование активной революционной власти, готовой всеми средствами отстаивать подлинную самостоятельность страны, поработившей державами Антанты, на основе радикальной перестройки государственного аппарата и общественных отношений и экономики и создания революционной армии. Отношение мое тогда к Октябрьскому перевороту было отношением к нему, как к единственному, что еще оставалось, чтобы стране выжить и не стать жертвой дикой реакции и рабства».

Выше уже было отмечено, какое значение Б. А. придавал началу своей работы в архиве. Новая организация архивного дела повела после известного декрета 1 июля 1918 г. к учреждению Главного архивного управления. Во главе петроградских архивных учреждений оказался С. Ф. Платонов, а его помощником

в должности главного инспектора — А. Е. Пресняков. Вслед за ними в архивы двинулась университетская преподавательская среда, особенно широко университетская молодежь. Б. А. был в ряду первых и уже 1 июля был прикомандирован к организованному в составе Главного архивного управления Архиву финансов, промышленности и торговли. К тому времени, когда Б. А. был туда направлен, существовали лишь предназначенное, но не оборудованное еще даже стеллажами помещение в здании бывшего Сената да раскиданные по разным местам города фонды, которые еще предстояло перевезти в образываемый советский архив.

В архив Б. А. тогда шел, как он сообщал об этом С. Ф. Платонову в августе того же года, охваченный «блестящей мыслью о постановке архивного дела на научную и деловую почву». О переживаемых тогда им и его друзьями чувствах Б. А. писал как о чувствах людей, воодушевленных именно научными задачами «архивного возрождения»; здесь же он писал о «ярости», с которой вели работы он и его университетские друзья и которая «поддерживалась тем давно жданным чувством, что мы вьем гнездо для себя и своей научной работы»; то, что «собственными руками и по своему плану из пустого места через хаос создаем космос от А до Ижицы, было особенно нам драгоценно».

Тесно связанный все время с университетом, Б. А. принял было в декабре 1918 г. предложение переехать в Пермский университет, образованный в 1916 г. именно как филиал Петроградского университета, преподавателями которого явились главным образом молодые преподаватели Петроградского же университета, многие знакомые Б. А., как например Б. Д. Греков. Однако Б. А. не смог сразу выехать туда. Так это дело и осталось случайным эпизодом в биографии Б. А.

Очень скоро Б. А. был увлечен открывшимися для него новыми возможностями плодотворной научной работы. Основной предмет его интересов передвинулся теперь от древностей к новейшим временам. В другой своей автобиографии Б. А. писал, что он «под влиянием Октябрьской революции и в связи с реформой архивного дела, открывшей для научной разработки архивные материалы новейшего времени, переметил тематику своих занятий и от X—XVI вв. перешел к работе над XIX—XX ст., в частности и в особенности над внешней политикой царизма последних его десятилетий».

Б. А. принимал значительное участие в выходивших тогда изданиях. Среди помещенных Б. А. в «Делах и днях», «Анналах», «Книге и революции», «Красном архиве», «Красной летописи» сообщений и рецензий некоторые рецензии приобретали характер статей, имеющих самостоятельное значение. Таковой, например, была рецензия на «Воспоминания и думы о пережитом» известного земского деятеля Д. Н. Шипова. Особо надо отметить из

этих рецензий обширный отзыв Б. А. на небольшую книжку С. Ф. Платонова «Борис Годунов». В университетские годы Б. А. вместе со своими ближайшими друзьями П. Г. Любомировым, В. В. Александровым и С. Н. Черновым был настолько близок к С. Ф. Платонову, что они составляли «дружину», о которой Платонов говорил, что им «верит, как самому себе». Тем и ценна эта рецензия для характеристики Б. А., что она вся проникнута отзвуками еще живых университетских впечатлений от личности Платонова, от покоряющей манеры чтения им лекций и литературных приемов его нисьяма. Даже и там, где Б. А. был готов усомниться в изложении Платоновым «трагедии» Бориса Годунова, он облачает свое несогласие в форму воображаемых размышлений почтительного читателя платоновской книги.

Все же рецензии являлись побочными работами Б. А. Основная работа Б. А. в первые советские годы была наполнена исследованиями, обусловленными материалами того фонда, которым ведал Б. А., что, впрочем, произошло не сразу.

Первые появившиеся по архивным материалам работы Б. А. касались социально-экономической истории начала XIX в. Они были написаны на основе материалов Департамента полиции исполнительной. Не связанный ни с предшествующими, ни с последующими научными интересами Б. А., особенно первый из таких двух очерков касался хозяйственной стороны крепостной вотчины. Он был первым в ряду советских исторических исследований, посвященных изучению хозяйственного строя крепостной вотчины — предмета, которым досоветская буржуазная историография почти совсем не занималась и который получил такое разностороннее освещение в последующие годы в советской историографии. В «Эпизоде из хозяйственной жизни вотчины 19-го века» Б. А. использовал дело о разорении двух рыбных вотчин (одной — крупноместной и другой — мелкопоместной) в начале XIX в. Ценно было в этой статье уже ее источниковедческое начало, впервые дававшее представление о значении документов, находящихся в делах о передаче помещичьих имений в опеку, для изучения экономического положения крепостной вотчины. Затем Б. А. сделал здесь опыт «реконструкции хозяйственного быта крепостных вотчин, взятых в опеку». Впервые в этой статье были точно и наглядно охарактеризованы положение крестьян вотчин обоих типов, к тому же одной барщинной и другой оброчной, а также взаимозависимость помещичьего и крестьянского хозяйств. За этой статьей последовала написанная по аналогичным материалам другая небольшая статья — «К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы».

Но уже в следующем, 1922 г. Б. А. нашел свою тему, которая владела им до последних лет жизни. Когда в 1922 г. появились в печати «Воспоминания» С. Ю. Витте, именно они предопределили основной предмет занятий Б. А. на многие последующие

годы. Согласно характеристике Б. А., «Воспоминания» Витте «были, конечно, откровеннее» в серии основных источников новейшей историографии. Для Б. А. это был «некролог царизму», «захватывающий читателя и ослепляющий исследователя». В то же время Б. А. писал, что «потребуется еще очень кропотливая работа» для «критической проверки и оценки сообщений Витте». В архиве, которым ведал Б. А., оказался именно фонд Канцелярии министра финансов, содержащий основной материал для истории деятельности Витте за то время, когда тот был министром финансов.

«Воспоминания» Витте в связи с архивными материалами, бывшими в распоряжении Б. А., настраивали его на изучение внешней политики России и главным образом на изучение истории дальневосточной политики России в конце XIX—начале XX в. Б. А. был тесно связан с университетом, поэтому естественной была у него мысль о работе над магистерской диссертацией, как и мысль, что дальневосточная политика должна стать предметом намечаемой диссертации. В своей речи на докторском диспуте Б. А. не раз говорил о той «школе», которую он прошел в университете и которой он следует. Школа эта сказала уже в самом первом шаге к работе над диссертацией, в постановке темы ее. Со времен уже К. Н. Бестужева-Рюмина и еще в большей степени В. Г. Васильевского в Петербургском университете становилось едва ли не традиционным начинать изучение избранной темы с исследования ее источников. Так, если не заглядывать вглубь, начали научный путь и учителя Б. А. С. Ф. Платонов прежде написания докторских «Очерков по истории смуты в Московском государстве XIV—XVII вв.» магистерскую диссертацию посвятил «Древнерусским сказаниям и новостям о смутном времени, как историческом источнике». А. Е. Пресняков равным образом начал научную деятельность с изучения Царственной книги и продолжал ее изучением летописей, оставив незавершенной предполагавшуюся диссертацию по историографии русского летописания.

Таким же образом раздумывал вести работу и Б. А. Существенным шагом на научном пути Б. А. должна была быть «задуманная пропедевтическая книга», которая и составила бы магистерскую диссертацию. Формою же «подготовительных к магистерской диссертации штудий» и явились «документальные комментарии» к такому важнейшему источнику, какими были в понимании Б. А. «Воспоминания» С. Ю. Витте. Действительно, Б. А. сперва и пошел именно по такому пути к своей готовящейся диссертации очень уверенно и очень успешно. В том же даже году, когда Б. А. ознакомился с «Воспоминаниями» Витте, им была сперва прочитана (23 июня 1922 г.) в заседании университетского Исторического института, посвященном чествованию С. Ф. Платонова (по случаю 40-летия со дня окончания им уни-

верситета), а затем напечатана первая дальневосточная статья Б. А. под заглавием «Витте и концессия на Ялу», с характерным для отмеченного направления пояснением: «Документальный комментарий к „Воспоминаниям“ гр. С. Ю. Витте». Вслед за напечатанной второй статьёй (она являлась «отчасти переработанной и дополненной» первой статьёй) последовала третья — «Витте накануне русско-японской войны», с таким же пояснением: «Документальный комментарий к „Воспоминаниям“ гр. С. Ю. Витте». И четвертая статья — «Лихунчангский фонд» — была напечатана в 1924 г., с примечанием, что этот очерк примыкает к только что упомянутым и «подобно им носит характер документального комментария» к «Воспоминаниям» С. Ю. Витте.

В течение ближайших лет, начиная с 1924 г., архив бывшего Министерства финансов, который Б. А. за эти годы в совершенстве изучил, доставил ему благодарнейший материал для крупных книжных и менее значительных журнальных документальных изданий. Темати этой археографической деятельности Б. А. были не только знакомая уже нам русская дальневосточная политика, но и финансы, а также рабочее и революционное движение. Для дальневосточной политики на первом месте должна быть отмечена обширная переписка Витте и других лиц, связанная с переговорами, которые привели к заключению портсмутского мирного договора с Японией; переписка эта явилась значительным дополнением к уже ранее известным материалам этого заключительного момента русско-японской войны. К последнему периоду войны ведет нас большое введение Б. А. к изданному А. К. Дрезеном протоколу военного совещания 24 мая 1905 г. по вопросу о «немедленном» заключении мира с Японией; к предыстории же войны относится небольшая группа перлюстраций, связанная с деятельностью злополучного «безобразовского кружка» в мае—июне 1904 г. Б. А. был подготовлен также отдельный сборник документов под заглавием «Россия на Дальнем Востоке. 1892—1916». Издание велось в издательстве «Кубуч» и затем должно было, когда уже было набрано 3/4 книги, перейти в издательство Института живых восточных языков. Лишь недоразумения, возникшие между этими учреждениями на материальной почве, воспрепятствовали завершению этого большого и несомненно важного издания.

Количественно наибольшее место в археографической деятельности Б. А. заняли вопросы финансовой истории. В связи с теми же внешнеполитическими, а также внутренними событиями годов русско-японской войны и революционных событий 1905—1906 гг. с особой остротой должны были встать финансовые вопросы, в особенности, конечно, вопрос о заграничных займах. Б. А. подготовил к печати том документов «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» (1926). Том этот открывается большим предисловием, принадлежащим Б. А. Сбор-

ник начинается документами, характеризующими финансовое положение России в начале войны; далее следуют документы, связанные с переговорами о займах, которые велись с некоторыми перерывами вплоть до заключения портсмутского мира. Последующая переписка о займах же до декабря 1906 г. носит уже яркий отпечаток революционных событий, особенно сказавшийся на переговорах о займе 1906 г. перед началом работы I Государственной думы. Предисловие Б. А. давало обстоятельную характеристику сложных условий заключения преимущественно этого займа. Здесь особенно отчетливо сказались роль французской печати в заключении займа, приемы ее подкупа и борьба против займа «Юманите» и французской социалистической партии. К этому основному изданию примыкают некоторые частные в «Красном архиве», относящиеся и к предмету основных интересов Б. А., а также к позднему времени первой мировой войны и Октябрьской революции.

В архиве бывшего Министерства финансов события внутренней и внешней политики революционного движения нашли одностороннее отражение. Главным образом они занимали министерство в той мере, в какой касались рабочего вопроса и менее — рабочего движения. Подготовленный Б. А. том материалов отведен совсем обойденному в нашей исторической литературе «Рабочему вопросу в комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г.» (М., 1926 г.), когда под влиянием январских событий 1905 г. правительство сделало тщетную попытку приступить к некоторым малозначительным мерам в области организации больничных касс, но сокращению рабочего дня до 10 час. и т. п.

Б. А. издал в «Красной летописи» также некоторые документы, преимущественно к истории революционных событий 1905 г., обнаруженные им в сравнительно скудном для освещения таких событий фонде бывшего Министерства финансов.

Единственной статьей, написанной Б. А. в эти годы преимущественно археографической работы, был «сжатый очерк» «Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке в 1892—1925 гг.». Он имел целью «собрать и поставить в историческую перспективу основные факты русской политики на Дальнем Востоке конца XIX—XX ст. в связи с общей международной обстановкой, в которой она проводилась правительством царской России до последнего дня существования империи». Статья эта вошла впоследствии в виде «введения» в книгу Б. А. «Россия в Маньчжурии».

В 1927 г. Ленинградский восточный институт предложил Б. А. издать появившиеся в печати его статьи в виде сборника объемом листов 10, с правом «некоторой их переработки». В таком виде и были переработаны Б. А. введение и первые две главы новой книги. Но вскоре, в ходе работы уже над третьей главой, оказалось, что такой «механический» сборник стал у Б. А.

«неудержимо и воочию перерастать в цельное исследование» и что «на первоначальном тонком стволе, заменить который было уже нельзя», «пошли расти несоответственно большие ветви».

Во вступительном слове на защите докторской диссертации Б. А. характеризовал и ее предшественницу — «Россию в Маньчжурии». Некоторые историографические моменты, обусловившие первоначальную постановку изучения В. А. дальневосточной политики в виде «документальных комментариев» к «Воспоминаниям» С. Ю. Витте, были уже отмечены. Здесь Б. А. разъяснил и другие особенности своей первой книги.

Б. А. «не сомневался в сугубой необходимости непримиримо критического» отношения ко всему оставленному современниками «историческому и ассортиментированному документальному материалу»; и этот, и другой архивный материал требовал «микроскопического текстуального изучения — не хуже, а то и почище древних летописных сводов». Особенно Б. А. относил это требование к тому материалу, который «носил ярко и не столь ярко выраженный буржуазный характер». Задачей здесь ставилось «развализирование» его империалистической сущности, и это стало для Б. А. «тем более масштабной целью критического исследования, чем больше приходилось тут познавать (и не сразу распознавать) изысканную технику сознательного и бессознательного завуалирования сути вещей». Вновь возвращаясь к той же критической задаче, Б. А. настойчиво отмечал значение для его работы университетской традиции. Б. А. писал в этой связи, что «здесь-то и пригодилась острота и изощренность документального зрения и изучения, в которых покоились наше поколение наши учителя с самой университетской скамьи». Касаясь далее общей критической задачи своего исследования, Б. А. замечал, что «над всем стояла задача — возведения непроходимой плотины из фактов». Это достигалось «упорным, упрямым, неуклонным и мелочным» «восстановлением прав источника и факта в истории русской дальневосточной политики». Б. А. добавлял: «Это было то, чему учил меня мой учитель А. Е. Пресняков». Определение критической работы как восстановления «прав источника и факта в историческом исследовании», повторенное Б. А. и еще раз, действительно являлось полученным Б. А. преемственно от А. Е. Преснякова. А. Е. Пресняков задачу своей докторской диссертации («Образование Великорусского государства») определял, в противопоставление приемам своих предшественников (именно представителей «соловьевскою периода» нашей историографии), как «восстановление по мере сил и возможности прав источника и факта» в историческом исследовании; он видел последнее в «конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции», считая такое отношение именно чертой «петроградской исторической школы».

Есть еще одна особенность «России в Маньчжурии», которую отмечали доброжелательные читатели и порицали недоброжелательные критики и которую сам Б. А. не имел случая разъяснить, — это приемы научно-литературного изложения. У Б. А. нет привычных «выводов», «заклучений», «положений» и т. п. Перед читателем развертывается текучая цепь фактов, следующих один за другим, как они определены изучением источников. Не найдя объяснения подобному приему изложения у Б. А., мы обнаружили необходимое разъяснение у ближайшего учителя Б. А. — у А. Е. Преснякова. А. Е. Пресняков именно таким же образом написал «Образование Великорусского государства». Для А. Е. Преснякова «восстановление прав источника и факта» вело к тому, что «исторические данные» должны были получить «более полное и существенное значение» «вне подчинения их подбора, анализа и построения» какой-либо заранее установленной схеме. А «отсюда», полагал А. Е. Пресняков, в его исследовании получилось «преобладание . . . описательного, детально фактического и критического изложения».

Вся работа Б. А. была построена на основе изучения огромного архивного материала, с чем связана и другая особенность книги. Конечно, это был материал только русских архивов, главным образом Министерства финансов и в меньшей степени Министерства иностранных дел. Дипломатическая переписка других держав за изучаемое Б. А. время еще почти не была издана. Только в Германии поторопились в первые же годы после ее поражения в первой мировой войне издать для оправдания ее внешней политики сорокатомную серию дипломатических документов — «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», и Б. А. использовал в полной мере все то, что оттуда только можно было извлечь. Обе эти особенности — обилие русского материала и еще недостаточное наличие западного и американского материалов — отличают эту работу Б. А. в области внешней политики России на рубеже XIX—XX вв., которая поневоле явилась по преимуществу историей русской внешней политики, но зато изложенной с такой исчерпывающей полнотой и подробностью, что вряд ли будущий историк добавит к ней что-либо, кроме разве мелочей.

Но, как отмечено Б. А. в самом подзаголовке, внешняя политика России охарактеризована в его книге как политика эпохи империализма. Отсюда изложение произизывают две основные, неразрывно связанные одна с другой темы: одна — дипломатическая, вторая — экономическая. В дипломатической Б. А. шаг за шагом следит за тем, как внешняя политика России, поставив себе захватнические империалистические цели в Маньчжурии, неизбежно вела страну к будущей войне; экономическая сторона вопроса изучена Б. А. так же ярко и всесторонне при характеристике роли банков и их капиталов в истории русской внешней политики на Дальнем Востоке.

Как Б. А. смотрел на свой труд все с той же ученой университетской оценки, которая была начальным побудительным его мотивом и целью, можно судить по позднейшим словам Б. А., что «при всех несовершенствах, отчасти обусловленных происхождением этой книги, тогда я не задумался бы представить ее к защите, если бы этот *usus* тогда существовал». «Россия в Маньчжурии» была впоследствии переведена на китайский, английский и японский языки.

Помимо более чем десятилетней службы в архиве, литературно так плодотворно ознаменованной, Б. А. был в течение всего этого времени связан как с университетом, так и с историческими научно-исследовательскими учреждениями.

В 1919 г. Б. А. занял прочное положение в составе преподавателей Петроградского университета. В том же году С. В. Рождественский, С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков предложили в факультете избрать Б. А. на должность ассистента при Историческом семинарии. В предложении было отмечено, что еще в свои студенческие годы Б. А. «вместе со своими ближайшими товарищами» П. Г. Любомировым, С. Н. Черновым, Б. В. Александровым и А. А. Тэнтэлем деятельно трудился «по собиранию библиотеки семинария по русской истории». Здесь же было упомянуто, что Б. А. «много работал» в студенческом историческом кружке, «тесно связанном» с семинарием. Наконец, было указано, что и в последующие годы Б. А. «всегда поддерживал живую связь с семинарием и его библиотекой». В конце предложения вновь отмечалось, что Б. А., «можно сказать, научно вырос вместе с нашим семинарием». Когда в 1925 г. хотели снять Б. А. с должности заведующего семинарием, мотивируя это недостатком средств, он подал заявление, в котором писал, что «готов сохранить за собой обязанности заведующего историческим семинарием и в той же мере уделять на это время, как прежде, пока у меня будет возможность». Б. А. и остался в должности заведующего Историческим кабинетом.

С 1921 до 1927 г. Б. А. являлся штатным доцентом и секретарем предметной комиссии по русской истории Общественно-педагогического отделения Факультета общественных наук. Эти годы Б. А. ведет на факультете просеминарские и семинарские занятия. Первые происходили в виде практических занятий пропедевтического типа для начинающих и занятий по общему курсу новой истории России. Предметом же семинарских занятий были объявленные Б. А., связанные непосредственно с архивными материалами семинарии на темы: «Промышленность России в XVIII ст. по данным архива Мануфактур-коллегии» и позднее «Дальневосточная политика России в XIX—XX вв.».

Связь Б. А. с университетом не ограничивалась преподавательской деятельностью. В 1921 г. при университете был учрежден Исторический научно-исследовательский институт, просущее-

ствовавший недолго, лишь до 1923 г. Главой этого института был А. Е. Пресняков, Б. А. здесь оказался в числе сотрудников I разряда и был избран секретарем института, а после разделения последнего на секции и секретарем Секции русской истории. В течение столь короткого срока жизни этого института Б. А. был, пожалуй, самым деятельным его членом. Кроме секретарства, что само собой делало Б. А. жизненным центром деятельности института, Б. А. прочитал здесь два доклада, оба впоследствии напечатанные: первый — «Витте, Николай II и концессия на Ялу», второй — «Витте накануне русско-японской войны».

В образованном в 1927 г. Ленинградском отделении Института истории, существовавшего в составе РАНИОНа, председателем отделения вновь оказался А. Е. Пресняков, а секретарем — Б. А. Здесь Б. А. предлагал (1 февраля) прочесть доклад о «Международно-финансовых отношениях России во время русско-японской войны 1904—1906 гг.», принятый к напечатанию в «Историке-марксисте», но так и оставшийся до сих пор в рукописи, которая хранится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. 18 февраля Б. А. читал здесь другой доклад — «Захват Порт-Артура». После присоединения отделения к Ленинградскому институту марксизма (впоследствии Ленинградскому отделению Института истории Коммунистической академии) Б. А. в самом начале марта 1929 г. прочел здесь доклад «Что делало политику русского самодержавия на Дальнем Востоке в 1895—1904 гг. боевой?». Для последнего доклада сохранились тезисы. Доклад этот прямо примыкал к «России в Маньчжурии», где в предисловии Б. А. затронул вопрос о том, как все «грубее выступала монополистическая природа» дальневосточной политики, которая в силу своей природы «чем дальше, тем больше принимала относительно Маньчжурии боевой характер и сохранила его до самой военной развязки». В девяти тезисах доклада Б. А. давал по существу сжатое содержание своей монографии под этим углом зрения.

Исследовательская работа в области изучения древней истории СССР в 30-х годах была сосредоточена преимущественно в Институте истории феодального общества Государственной академии истории материальной культуры. Ряд работ, написанных в те годы Б. А., был вызван участием в работах этого института. Таковы были отзывы Б. А. о работе С. В. Юшкова по истории возникновения и развития феодализма на Руси IX—XII вв. и о сборнике «Древняя Русь» (оба остающиеся до сих пор в рукописях). Третья аналогичная работа была вызвана появлением двух близких по теме, но совершенно отличных по исходным теоретическим предпосылкам, приемам и выводам работ Н. П. Воронина (К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935) и С. Б. Веселовского (Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936). Разбор этих работ вылился

в объемистое исследование (около 10 печатных листов), потребовав от Б. А. весьма значительного и кропотливого труда. Б. А. оспорил ряд положений обоих авторов, тщательнейше проверив текстологически, терминологически и исторически приведенные для их обоснования данные. Даже более. При изучении труда Н. Н. Воронина Б. А. произвел «некоторые дополнительно-частные исследования, справки и текстуальные анализы». О размере этих дополнений можно судить хотя бы по напечатанному тогда же замечательному разбору известной грамоты вел. кн. рязанского Олега Ивановича Ольгову монастырю. Точно так же при изучении богатейшего по материалам труда С. Б. Веселовского Б. А. обратился к писцовым книгам и другим материалам; в итоге и здесь Б. А. обнаружил данные, вызывающие у него «сомнения и возражения». Это исследование Б. А. было издано уже посмертно.

Одновременно с участием в работах ГАИМК Б. А. принял предложение сотрудничества с состоявшей при Институте истории Коммунистической академии редакцией по составлению истории Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Одно из изданий этой истории должно было содержать отклики иностранной печати на события русской революции (от января 1905 г. и кончая апрелем 1906 г.). Для этой цели были выбраны «Тан», «Таймс», «Альгемайне Цейтунг», «Нейе Фрайе Прессе», а также «Юманите» и «Нейе Цейт». Переводом из этих изданий были заняты под руководством Б. А. десять человек. Составленный таким образом труд оказался объемом около 40 листов. Помимо этой редакционной работы, Б. А. были написаны связанные с ней четыре, как их определял Б. А., календарных обзора того, как «осмыслились и преподносились» западному читателю события русской революции. Работа эта осталась неизданной.

Одной из тогдашних забот Б. А. была судьба литературного наследия А. Е. Преснякова. При ближайшем содействии Б. А. архив любимого и почитаемого им учителя был передан в ГАИМК (позднее этот архив перешел в Ленинградское отделение Института истории АН СССР). Другой заботой Б. А. стало издание работ А. Е. Преснякова. Сохранившиеся записи его лекций Б. А. подготовил к печати, обратив особое внимание на то, чтобы сохранить их «историографическое значение». Б. А. при этом проверил и дополнил все незавершенные детали рукописи. Так были изданы два тома лекций; третий том, совсем подготовленный Б. А. к печати, до сих пор остается не изданным.³

³ В предисловии «От редакции» в первом томе «Лекций» Б. А. принадлежат стр. V—VI, где речь идет о рукописях лекций и приемах их издания, и указатель предметов тоже составлен Б. А., всегда питавшим особое влечение к такого рода указателям.

В конце 30-х годов в Институте истории АН СССР была принята подготовка к изданию многотомной коллективной «Истории СССР» (впоследствии выходящей самостоятельными томами под названием «Очерки по истории СССР» такого-то периода). Б. А. было предложено в серии очерков отдельных княжений времени раздробленности написать очерк истории великого княжества Тверского. Очерк Б. А., однако, оказался вне окончательного плана издания и был напечатан позднее в составе академического издания «Хождения за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.» в качестве историко-политического очерка «родины Афанасия Никитина». Очерк охватывал всю историю Тверского княжества от его выделения в особое княжение (1246 г.) и до конца существования (1486 г.). Небольшой по объему, очерк давал ярко написанную картину положения Тверского княжения в среде тогдашнего его политического окружения, а также и внутренних в нем общественных отношений.

Еще одной в те же годы явилась начатая в 1938 г. и продолжавшаяся в последующие годы работа Б. А. в Институте языка и мышления. Здесь Б. А. в качестве выборщика, а затем и редактора участвовал в составлении словаря древнерусского языка.

Б. А. принял участие и в задуманной в конце 30-х годов «Истории культуры древней Руси». В вышедшем спустя едва ли не с десятилетним опозданием первом томе этого издания (1946 г.) Б. А. принял участие в составлении раздела о «Деньгах и денежном обращении».

Среди работ, которые Б. А. пришлось вести во второй половине 30-х годов, самой крупной оказалась книга, связанная с прежней русско-японской темой. Она послужила затем Б. А. в качестве докторской диссертации (23 февраля 1941 г.; кандидатская степень была присуждена Б. А. в 1939 г.). Б. А. предложили написать популярную брошюру листов на 10 о русско-японской войне. Б. А. принялся за работу над ней, но его «опять потянуло на исследование». Действительно, когда написанная ее часть, которая «злорадно сбивалась на исследование», попала в руки рецензента (им оказался А. Л. Попов), то он отметил «несомненную ее ценность» для «квалифицированного» читателя и отличавшую ее «тонкость анализа». Дирекция Института истории предложила Б. А. придать его работе научно-исследовательский характер.

Центром внимания Б. А. в его новой книге «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» является не театр войны (собственно войне были отведены лишь две главы из четырнадцати), а ее тыл — «кулисы и мастерские»; ее политика, экономика, «на которой стояла эта политика», и особенно дипломатия, «посредством которой работала эта политика».

В «Очерках» первоначально стояла задача освещения дальневосточной политики России с точки зрения, как это было подчеркнуто Б. А., двойственного характера русского военно-феодалного империализма, когда этот империализм «был оплетен густой сетью отношений докапиталистических». Совершенно новой была постановка Б. А. второй задачи «Очерков» — «показать планомерный захватнический характер политики японского империализма». Начиная с первой главы, в которой, изучая «завязку русско-японского конфликта», Б. А. предметом начального же параграфа сделал общую характеристику «захватнической программы японского империализма на Дальнем Востоке», и далее то в целых главах, то попутно в других Б. А. обстоятельно развил эту новую по сравнению с «Россией в Маньчжурии» тему, важнейшую для понимания возникновения и истории русско-японской войны 1904—1905 гг. Третьей задачей «Очерков» было рассмотрение русско-японской войны как «только одного из актов международной борьбы за раздел Китая и за господство на Тихом океане». В таком случае, кроме России и Японии, надо было распространить исследование также на политику тех империалистических держав, которые, как Англия, Германия, Франция и Соединенные Штаты Америки, прямо или косвенно участвовали в ходе развития русско-японского конфликта. Изучение этой «сложной перекрепляющейся работы» дипломатий всех шести упомянутых держав было наиболее трудной задачей «Очерков». Решить вторую и третью задачи «Очерков» Б. А. смог, положив в основу работы только совершенно новый материал, в большом количестве появившийся в обращении в конце 20-х и в 30-х годах в виде многотомных изданий дипломатических документов ряда стран, стремившихся подобно Германии оправдать свою внешнюю политику до первой мировой войны, а также и в виде обильной монографической литературы.

Наконец, в новой работе Б. А. была еще одна существенная особенность. Ряд параграфов «Очерков» был отведен освещению внутриполитического положения России, поискам, как писал Б. А., «связи и взаимодействия» между столь «разнородными, на первый взгляд, сферами», как «дипломатическая история» и «внутренняя» история России. В итоге получилась работа, отличающаяся от «России в Маньчжурии» не только по содержанию, но и по характеру изложения. Если на последней при всем литературном мастерстве Б. А. не могло не сказаться обилие привлеченного к исследованию архивного материала, которое всегда в большей или меньшей степени парализует свободу творческой мысли пишущего, то в «Очерках дипломатической истории русско-японской войны» ни мысль Б. А., ни его литературная манера не были скованы этим грузом и могли развернуться в полной мере. «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» и явились одной из самых блестящих книг в советской

исторической литературе. Начавшаяся война помешала им появиться в печати, и в свет они вышли только в 1947 г.

В конце 30-х годов В. А. возобновил прерванные было занятия в области древнерусской истории. Еще в конце 20-х годов в Постоянной историко-археографической комиссии Академии наук были начаты работы по подготовке нового издания «Русской Правды»; в полной мере они развернулись во второй половине 30-х годов уже в образованном тогда Ленинградском отделении Института истории АН СССР. В новом трехтомном издании «Правды Русской» второй том отводился комментариям к «Правде», и к участию в работе над ними был приглашен В. А.

Творческая работа составителей комментариев была весьма ограничена редакционными требованиями. Согласно последним, В. А. пришлось бы только собрать мнения ученых от Татищева и до наших дней, появившиеся в печати, и механически расположить их в хронологическом порядке, без какого бы то ни было критического рассмотрения. Как указано было в предисловии, «лишь в виде исключения» составители комментариев могли приводить свои еще не опубликованные в печати мнения. Однако В. А. сумел здесь, сохраняя стеснительную форму хронологического расположения и текстуального приведения мнений отдельных ученых, создать в этих рамках настоящее критико-историографическое изложение их мнений. Особенно примечательны в этом своде мнений комментарии к статьям о закупах и холопах.

Одновременно с работой по комментированию большого издания «Правды Русской» было предпринято издание «Правды Русской» в качестве «учебного пособия». В. А. взял на себя здесь комментирование тех же статей, что и в большом издании памятника. Не стесненный теперь никакими рамками, В. А. сумел в «учебном пособии» сделать все то, чего не полагалось делать в большом издании «Правды»: подвергнув критическому разбору литературу, дать свои собственные толкования статей и институтов «Правды». О том, как значительна была эта работа, говорят уже некоторые цифровые данные. Из 43 статей «Краткой Правды» В. А. принадлежат комментарии к 23 статьям; в «Пространной Правде» В. А. прокомментировал 42 из 121 статьи. Но дело было не в количестве статей. Статьи, подобранные В. А. для комментариев, представляли собой важнейшие циклы, связанные с изучением основного характера общественных и политических отношений в древней Руси. Так, в «учебном пособии» В. А. подвергнул своему истолкованию уставы о закупах и о холопах, устав о населении княжеского домена, устав об обидах и увечьях. Каждый из этих уставов получал здесь свое освещение в целом и в частностях. Например, совсем новое и первое в литературе освещение получил устав об обидах и увечьях с точки зрения связи этого устава с новгородскими событиями 1015—1016 гг.

Когда после окончания работы над «учебным пособием» Б. А. пришлось вернуться к комментированию большого издания «Правды», он смог здесь привести свои новые мнения наряду с мнениями других ученых.

Ко времени начала Великой Отечественной войны работа над изданием комментария была еще далеко не закончена. Вернувшись в Ленинград в 1944 г. из эвакуации в Ташкент, Б. А. сразу же окупился в трудную и сложную работу, связанную с подготовкой и наблюдением за изданием второго тома «Правды Русской». Во время блокады Ленинграда умер Б. В. Александров, не успев окончательно завершить свою часть комментария; умер, закончив только предварительное редактирование комментариев, Н. Ф. Лавров, самоотверженной работе которого все издание «Правды Русской» столь многим обязано. Теперь приведение оставшегося в общем сырого еще материала в окончательный для печати вид, а затем и само наблюдение за изданием легли на плечи Б. А. Можно уверенно сказать, что издание этого огромного и громоздкого тома в целом обязано неустанной и напряженной работе Б. А., который писал, что оно «сгусток моих пота и крови. Это, по совести, мое детище и никого другого. Остальные — участники, но не отцы».

Когда ИИМК готовил свою «Историю культуры древней Руси», Б. А. согласился написать для второго ее тома раздел о быте и нравах. (Рукопись этого раздела сохранилась в архиве Института археологии). Но работа Б. А. так разрослась, что вместо статьи пришлось уже думать об издании ее в виде отдельной книги, которая появилась в печати в 1947 г.

«Люди и нравы древней Руси» занимают особое место среди других работ Б. А., особое по теме и задачам, особое по приемам работы и изложения. Задача книги — дать «живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском обществе». И с этой точки зрения совсем в новом свете проходят перед читателем «Людей и нравов» как будто бы давно известные ему верх и низы древнерусского общества, челядь и смерды, феодалы светские и духовные. Читатель, казалось, уже хорошо знаком с приемами изучения «Русской Правды» и других памятников древней Руси, но Б. А. отказывается от «протокольной» трактовки литературных новостований, а к «Русской Правде» применяет небывалый еще прием «литературной трактовки литых юридических формул». В смысле построения Б. А. говорит об «опыте мозаической реконструкции древнерусской жизни», который он производит в «Людах и нравах». Наконец, надо упомянуть и о том «мизантропе» XII—XIII вв., который присутствует во всем изложении древнерусской жизни и помогает читателю пережить чувства и мысли людей того времени. В «Людах и нравах» Б. А. в большей мере, чем в какой-либо другой работе, раскрыл свой дар научно-художественного воссоздания прошлого,

дошедшего к нам лишь в вызывающих бесконечно разноречивые толкования обрывках. Для Б. А. эта книга, по-видимому, была одной из самых дорогих, она была ему «ближе к сердцу», чем другие работы; перед обсуждением ее в университете в 1948 г. Б. А. говорил, что «продолжает сближаться» с нею и все более убеждается, «какая она моя». ⁴

В конце сороковых годов Б. А. принял участие в переводе части Повести временных лет вместе с Д. С. Лихачевым (М.—Л., 1950); эта работа была для Б. А. «увлекательным делом», и он «с наслаждением раскладывал этот пасьянс в часы досуга». Были у Б. А. планы издания в этой же серии повестей так называемого Смутного времени.

В 1947 г., после выхода в свет второго тома «Правды Русской», «Людей и правов древней Руси», а также «Очерков дипломатической истории русско-японской войны», Б. А. ставил перед собой вопрос, что сделать предметом дальнейших занятий: «антик или модерн». Вышло, однако, так, что Б. А. пришлось заняться и «антиком», и «модерном». В сфере «антика» перед Б. А. предстал Судебник царя Ивана Грозного, в сфере «модерна» — вновь международные отношения эпохи империализма.

Когда в Ленинградском отделении Института истории АН СССР после окончания работ над «Правдой Русской» обсуждался вопрос о продолжении серии комментированных изданий древних законодательных памятников и когда остановились на решении издать три Судебника XV—XVI вв. (вел. кн. Ивана III, царя Ивана IV и так называемый Судебник царя Федора Ивановича), на долю Б. А. выпало комментирование Судебника царя Ивана Грозного.

Судебник 1550 г. в досоветское время ни разу не послужил предметом такого исследования, которое дало бы целостную его характеристику. Даже единственный автор, М. Ф. Владимирский-Буданов, который в своей известной «Хрестоматии по истории русского права» дал комментарий ко всему Судебнику, все же характеризовал статьи Судебника как отдельные, самостоятельные, не связанные с памятником в целом нормы права, вне породивших Судебник общественных условий. По выражению Б. А., Судебник этот «перед взором Владимирского-Буданова лежал довольно безмятежным судоустройственно-, граждански- и уголовно-правовым бегемотом». Но совсем незадолго до начала работы Б. А. над комментарием к Судебнику в советской литературе появилось исследование И. И. Смирнова о Судебнике 1550 г. После этого исследования, писал Б. А., «Судебник этот предстает перед нами как документ, вышедший из некла острой социально-

⁴ Замечательная характеристика «Людей и правов древней Руси» дана Д. С. Лихачевым в статье «Борис Александрович Романов и его книга „Люди и правы древней Руси“» (Труды ОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 486—495).

политической борьбы на критическом этапе истории Русского государства». С такой точки зрения взглянул на Судебник и Б. А., но «безнадежно» разошелся с И. И. Смирновым в понимании самого исторического момента и характера происходившей тогда общественной борьбы, а тем самым в понимании Судебника в целом. Б. А. разошелся с И. И. Смирновым и в толковании ряда отдельных статей Судебника. Б. А. оспаривает мнение И. И. Смирнова, который полагает, что Судебник является отражением антибоярской политики правительства Ивана Грозного, опиравшегося на дворянство и посад. Б. А. полагает, что, рассуждая так, И. И. Смирнов «несколько упреждает ход событий»; по выражению Б. А., И. И. Смирнов тут уже видит «следы микроиррипинны». Общая точка зрения Б. А. на Судебник как на документ компромиссного характера, в некоторой мере примыкающая к ранее появившимся аналогичным взглядам С. В. Бахрушина, сказавшаяся в толковании Судебника и в целом, и во всех его частях. Эта ученая полемика Б. А. и Ив. Ив. весьма примечательна не только по существу разрабатываемых и обосновываемых каждым из них взглядов. Б. А. писал о работе Ив. Ив., что она написана «с подлинно марксистских позиций» и что «тщательный текстологический анализ привел автора к широким историческим обобщениям». В то же время Б. А. был «доволен, что И. И. мог полемизировать со мной в порядке ответа на мою полемику с ним».

При комментировании «Русской Правды» над Б. А. не мог не тяготеть хотя бы в некоторой мере историографический груз прошлых изучений. Царский же Судебник имел, по выражению Б. А., «захолустное бытование» в исторической литературе; это освобождало Б. А. от тех историографических обязательств, которые «висели» над ним «постоянно» при комментировании «Русской Правды». Комментируя же Судебник, Б. А. оказывался в первую очередь исследователем, глаз которого обращен не столько на мнения своих предшественников, сколько на источники. Надо сказать, что круг источников, использованных Б. А., оказался чрезвычайно великим, и многое было привлечено к толкованию Судебника Б. А. впервые, как например изданная еще около ста лет тому назад М. А. Оболенским Боярская книга, но так и не привлекавшая к себе внимания исследователей Судебника. При работе над Судебником у Б. А. оказалось немало «счастливых находок»; немалое значение имело и воображение, которое для Б. А. «играло всегда» «роль программы» — «я ведь выдумщик», писал Б. А.; здесь сказывалось умение и «гипотетически видеть большое, всматриваясь в бесконечно малое», что было «давней слабостью» Б. А.; всматриваться в мелочи на большом фоне с целью разглядеть не мелочи, а то, что кроется именно за фоном.

Когда Б. А. было предложено комментирование Судебника, он писал: «Судебник не герой моего романа и несколько тяготит

меня, как что-то чуждое; это — повинность». Но впоследствии работа над Судебником увлекла Б. А. Она оказалась для него «очень интересной, даже захватывающей». Этот «мертвый прежде» для Б. А. документ «как будто ожил». Б. А. так объяснял эту перемену отношения: «это давнее мое свойство: какую дрянь ни дай мне, в конце концов всюду найду интерес». Углубление занятий эпохой Судебника сказалось и в том, что у Б. А. появилась мысль осуществить свою «настоящую, кровную, захватывающую мечту» написать книгу «Время Ивана Грозного». Ду- мал Б. А. написать и «небольшой этюд» о духовном завещании Ивана Грозного.

В итоге Б. А. писал о работе над Судебником, что «много было вложено тут и нервов и труда, но было и много радостей и находок».

В длившейся десятилетия деятельности Б. А. был и историком, пользующимся документами, изданными археографами, был и археографом, издающим документы для нужд историков. Несомненно существенно поэтому взгляды Б. А. на некоторые общие задачи и приемы издания документов. Они изложены в оставшейся не напечатанной в «Вопросах истории» рецензии на издаваемые Л. В. Черепнинным «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1950). Рецензия эта обсуждалась в ЛОИИ на заседании группы истории СССР 5 апреля 1951 г.

Основной мыслью при определении задач советской археографии, в отличие от досоветской, является, «по крайшему разумению» Б. А., то, что «советская археография должна приспособить свою работу к потребности внедрения науки в массы и подчинить себя этой цели». Иначе говоря, советская археография «должна мобилизовать все средства, чтобы помочь научному работнику... в изучении памятника».

Сопоставляя приемы прежней археографии с задачами, поставленными им для советской археографии, Б. А. последовательно полагал, что советская археография «не может ограничивать себя только заботами о передаче текста или памятника вообще». «Преимущественная задача советской археографии, — по мнению Б. А., — состоит в том, чтобы не жалеть усилий на создание максимально развитого и удобного обслуживающего памятник аппарата в виде всяческих указателей, словарей, комментариев и т. п.», и «именно в этой сфере заложены постоянно действующие возможности прогресса в развитии советской археографии».

Конечно, в отношении текста, преследуя те же указанные только что задачи, Б. А. требовал, чтобы текст издаваемого памятника был «удобочитаемый и не искаженный, но обязательно очищенный от ошибок писца, которые можно коллекционировать, если бы понадобилось, под строкой». Естественно, что Б. А. раз-

граничивал приемы издания текста, которые обязательны для филолога и которые обязательны для историка. Возражая против требуемого филологами «частого скобка всех фасонов», «десятикратной порции двусмысленных круглых скобок в строке», «частого вторжения курсивных букв одиночек», Б. А. считал, что против наличия всего этого в изданиях, предназначенных для исторических целей, говорила «зрительная противостественность нагромождения на каждой странице и чуть не на каждой строке трех сортов шрифта и двух сортов скобок». Тем более что потраченный на такое издание «адов труд» доставлял филологу лишь «относительную (разумеется) уверенность» при использовании этого издания. Впрочем, Б. А. возлагал надежды и на «чудеса техники», на различные какие-нибудь «микро, макро, фотоаппараты и археолинотины», которые, возможно, сведут до минимума работу археографа.

В то время как для досоветской археографии соотношение текста издания и «аппарата» складывалось в виде отношения «парадных покоев» и «черного хода», теперь, в соответствии с задачами советской археографии, должно быть отдаваемо одинаковое «по меньшей мере» внимание «как собственно текстовой, так и аппаратной стороне каждого издания». Однако все внимание Б. А. направлено именно на вопросы аппарата издания, так как для Б. А. функции «внедрения науки в массы» «исполняет именно аппаратная часть издания». На первое место Б. А. ставил «исторический комментарий к издаваемому памятнику, связующий этот памятник со всеми вопросами, которые современная историческая наука решает с помощью этого памятника». Особое значение в течение своей и исследовательской, и археографической деятельности Б. А. придавал указателям (считая их «в сущности душою издания»), которые стоят «на пороге» к комментарию, и подчеркивал, что для составления указателей требуется «специальный опыт». Не оставил Б. А. без внимания и типографской стороны издания, требуя и здесь «безоговорочной заботы об удобстве читателя» и обращая внимание на тот «прессованный» текст, который так часто употребляется в археографических изданиях.

Все эти замечания направлены к одному, отмеченному выше предмету, именно к наилучшему «внедрению науки в массы».

Как упоминалось выше, в 1947 г. вышли «Очерки по дипломатической истории русско-японской войны». Сперва, в марте 1948 г., состоялось обсуждение новой книги Б. А. в Институте истории, а вскоре, в том же 1948 г., в «Вопросах истории» появилась обстоятельная рецензия на «Очерки» А. Гальперина. Рецензия заканчивалась словами о «большой научной ценности» книги Б. А., которая «будет служить важнейшим пособием для широкого круга читателей, изучающих эпоху империализма и российскую внешнюю политику». И обсуждение книги, и рецензия

важны были тем, что они не только указывали пути дальнейшего расширения книги, но и прямо вызывали Б. А. на дальнейшую работу над ней заявляем, что «проф. Романов, несомненно, сумеет дать действительно полную картину подготовки войны и царской, и японской, и японо-англо-американской сторонами». Уже в 1948 г., вскоре после институтского обсуждения, Б. А. приступил к работе над новым изданием «Очерков», вплотную принявшись за нее в 1950 г., когда комментарий к Судебнику был закончен. Новое издание «Очерков» вышло в 1955 г. «Опыт с дальневосточной эпопеею», по словам Б. А., показал, что «можно всю жизнь заниматься большой темой и вновь и вновь находить новые факты и новые аспекты ее». Эти «новые факты» и «новые аспекты» прежней темы, теперь обнаруженные и увиденные Б. А., были столь значительны, что второе издание «Очерков» оказалось вдвое больше первого.

Первой особенностью второго издания «Очерков» было такое значительное расширение их темы, которое делало это второе издание по существу совсем новой книгой. Первое издание даже в дополненном виде уместилось теперь почти полностью (одиннадцать из четырнадцати глав) в одной первой части второго издания, озаглавленной «На путях к войне». Совсем заново были написаны вторая и третья части нового издания. В прежнем издании изучение «дипломатической истории русско-японской войны» по существу было ограничено временем от «завязки» русско-японского конфликта до «развязывания» войны (1894 г.—февраль 1904 г.), а все остальное в книге оказалось только дополнением к основной ее части. В новом же издании во второй ее части оказалась исследованная дипломатия времени самой войны, а в третьей части — ее политические последствия. Характерным для изложения времени самой войны во втором издании было то, что в истории войны Б. А. вместо двух периодов теперь наметил три, причем третий — уже исключительно дипломатический, посвященный времени от начала мирных переговоров — через подробнейший анализ дипломатической истории портемутских переговоров — до подписания самого мирного договора. Политические итоги войны были протянуты Б. А. от Портсмута к двум Алтамам — в Европе и на Дальнем Востоке. Такое расширение дипломатической истории русско-японской войны вплоть до ее далеко идущих последствий повлекло за собой расширение международного аспекта на всех ступенях «дипломатической истории» до рассмотрения фактов внешней политики, на первый взгляд далеко от русско-японской войны отстоящих. Особенно сказалось это на рассмотрении в новом издании английской и еще более — американской политики. Уже для характеристики довоенной дипломатии Б. А. теперь понадобилась особая глава о политике США в 1895—1903 гг. Многие страницы, посвященные истории мирных переговоров, содержат блестящую характеристику поли-

тики США этого периода и особенно президента Теодора Рузвельта. Параграф о мароккском кризисе и «Союзе двух императоров» отчетливо подчеркивает, как расширены были в новом издании «Очерков» возможные «аспекты» прежней темы. Наконец, с точки зрения аспекта связи внутренней жизни страны и «дипломатической истории», примечательны страницы, на которых Б. А. сделал «попытку календарного сращения историко-дипломатических и историко-революционных 1905—1906 гг. фактов под знаком политических последствий портсмутского мира».

В итоге «Очерки» Б. А. в новом издании отображали импералистическую политику мировых держав в таком объеме и в таких ее «паутинных» переплетениях, какими они еще тогда не были изображены ни в европейской, ни в американской литературе.

«Очерки» потребовали от Б. А. «адова напряжения памяти и воображения, чтобы держать всю массу мелких фактов, близких друг к другу по времени и далеким в пространстве, чтобы уловить их тончайшие связи». Б. А. считал, что теперь (1955) ему «воистину нужно передохнуть от работ типа дипломатических очерков», что ему сейчас «нужно что-нибудь попроще без акробатики». Б. А. и намечал для себя две таких работы «попроще». Обе они были своего рода возвратом к его давним занятиям. Одна из них была связана с первыми шагами архивно-исследовательских занятий Б. А. «Моя мечта, — писал Б. А. тогда же, — пересесте на комментированное издание „Воспоминаний Витте“». Эта «мечта» была осуществлена впоследствии ближайшими учениками Б. А. (Б. В. Апаньичем и Р. Ш. Ганелишим). Другая предполагаемая Б. А. работа была связана с намеченным в Институте истории изданием источников по истории империализма. Изданный в 1926 г. сборник документов «Русские финансы и европейская биржа» Б. А. решил теперь издать в новом, чрезвычайно расширенном виде. Первый сборник охватывал всего три года (1904—1906). Новый же должен был содержать материалы 1891—1913 гг., т. е. охватить все довоенные займы эпохи империализма. Вторая работа велась так, как Б. А. считал это наиболее желательным для всякого ученого и как он мог теперь это осуществить при содействии одного из ближайших своих учеников — Б. В. Апаньича. Последнее, однако, обращает нас к особо близкой для Б. А. области его преподавательской деятельности.

Университетская преподавательская деятельность Б. А. двадцатых годов не оставила каких-либо значительных следов ни в жизни самого Б. А., ни в жизни университета; круг отведенной тогда Б. А. деятельности и не давал к тому достаточной возможности. Иным все оказалось, когда в 1944 г., тотчас после возвращения из эвакуации, ректор университета А. А. Вознесенский предложил Б. А. занять в университете должность штат-

ного профессора. Начиная с осени 1944 г. Б. А. приступил к практическим занятиям со студентами первого курса, а также к семинарским занятиям и к чтению специальных курсов и вел их до 1950 г. Особенно существенными для Б. А. оказались занятия именно со студентами-первокурсниками. Чем они были для самих студентов, об этом проникновенно рассказал Н. Е. Носов, один из ближайших учеников Б. А. Одна из групп первокурсников преподнесла в конце года (1946) Б. А. шкатулку, в которой лежала миниатюрная книжечка с текстом Краткой Правды, а также лупа, при помощи которой только и можно было прочесть этот текст. Надпись, сопровождавшая этот подарок, гласила: «От студентов 4 группы исторического факультета ЛОЛГУ в знак восхищения и благодарности за увлекательные, глубокие, неповторимые занятия по Русской Правде». Про эту надпись Б. А. писал: «Надпись, которой (впервые в жизни!) горжусь», — и добавлял: «Значит, недаром я вкладывал всего себя в эти занятия, если вместо отвращения мне удалось создать такое воздействие на эти молодые головы».

С особой яркостью студенческие чувствования проявились 26 февраля 1949 г. в день чествования в университете шестидесятилетия Б. А. В течение длившегося три часа заседания Б. А. находился, по его выражению, «под неумолимыми колесами какой-то психомашинны; она была представлена преимущественно студентами». Подъем, господствовавший в аудитории, переполненной студентами, был таков, что и сам Б. А. «далеко не все и, вероятно, не по-настоящему мог понять и уловить и запомнить; понимаю только, что я не вполне отдавал себе отчет, как глубоко я оравлен страстью к нашей молодежи. Но и с ее стороны я не ожидал такого взрыва».

Помимо учебных занятий, Б. А. было поручено руководство студенческим историческим кружком. До Б. А. ряду преподавателей никак не удавалось наладить систематическую работу кружка. Теперь он начал жить уже не от случая к случаю; работа кружка заинтересовала студенческую среду.

Для Б. А. практические занятия, а затем и семинарские были «что мешок с кислородом». «Вообще, — писал Б. А., — университет берет много сил, зато и питает морально». «Очень уж интересно и живительно» для Б. А. было «подталкивать и наблюдать рост» студентов «именно на первом году их въезжания в науку». В этих занятиях для Б. А. было «много творчества и экспериментирования»; для Б. А. в этом была «вся суть» занятий. Б. А. мог непосредственно наблюдать и воздействие своих занятий на «славный народ», который рос «в желательном для меня направлении, т. е. усваивал кое-что из прививаемых мной навыков». Б. А. достиг и более значительного. Отметив, что «преподавание по-прежнему увлекает меня», что у него «намечается некоторое подобие учеников в миниатюре», Б. А. писал, что он

«не ошибся, потянувшись на старости лет к университетской молодежи».

То, о чем Б. А. думал как о «подобии» учеников, оказалось не только прочным фактом личной биографии Б. А., но и существенным явлением советской историографии; Б. А. считал «счастливейшим» для него днем в году день, когда все его «потомство», отмечая день его рождения, собиралось у него и когда он мог «на смотре отмечать себе поступательные признаки роста моих молодцов». «Это ли не высший вид радости для старика, когда он периодически может обсматривать свою смену?!», — писал Б. А.

Труды Б. А. занимают выдающееся место в советской историографии. Они касаются благодаря редкой разносторонности интересов Б. А. самых различных эпох истории СССР. В них отражены и древность, и средние века, и новейшее время. Всегда они были новым словом и носили печать тонкой и глубокой мысли и убедительного художественного проникновения в изучаемый предмет, что так редко сочетается в полной мере в одном лице.

Б. А. скончался 18 июля 1957 г. Вся жизнь Б. А. прошла в непрерывной и неутомимой работе, к которой он рвался и тогда, когда болезнь ему безжалостно мешала ею заниматься. Закончу словами самого Б. А.: «Я всю жизнь свою учился и сейчас учусь и всем говорю, что надо учиться. Может быть, потому меня всегда заинтересовывали работы, за которые брался: искать и находить и вновь искать — так уж учил меня мой учитель Александр Евгеньевич. Беда будет, когда это у меня потухнет, а пока не потухло, я учиться „всегда готов“».